



ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

СОДЕРЖАНИЕ

О сборнике	8
I. «Метасемиотика»	
Семиология как проект.....	10
<i>Семиотика и семиология.....</i>	10
<i>Семиологические проекты.....</i>	12
<i>Проблема границ семиосферы</i>	15
<i>Общее и особенное в семиологических проектах.....</i>	16
<i>Семиология знаковых средств.....</i>	18
<i>Общая семиология.....</i>	22
Семиотика и гуманитарные науки.....	26
Семиотика пространства: от «круглого стола» к общей теории.....	29
<i>Об истоках семиотики пространства.....</i>	29
<i>О перспективах семиотики пространства</i>	35
Об отношении между семиологией пространства и лингвистикой	40
О семиотике пространства в России.....	45
II. Семиология знаковых средств	
«Знаковая призма»: пространственная модель семиозиса.....	57
К теории знака.....	69
III. Пространственный семиозис	
Пространственный семиозис и время.....	72
<i>Различия пространственного и временного семиозиса.....</i>	72
<i>Пространственный семиозис во времени.....</i>	73
<i>Время в пространственном семиозисе.....</i>	75
К семиотике пространственных кодов.....	79
<i>Пространственные коды.....</i>	79
<i>Архитектонический код.....</i>	80
<i>Предметно-функциональный код.....</i>	83
<i>Социально-символический код.....</i>	85
Семиотизация пространства и визуальные коды.....	87
Пространственные тексты и их специфика.....	91
<i>Три подхода к понятию текста.....</i>	91
<i>Структурное разнообразие пространственных текстов.....</i>	92
<i>Особенности синтактики пространственных текстов.....</i>	95
<i>Особенности семантики пространственных текстов.....</i>	98
<i>Особенности прагматики пространственных текстов.....</i>	100
IV. Семиотика предметно-пространственной среды	
Семиотика предметной среды и персональное пространство.....	103

От герменевтики телесности к семиотике визуально-пространственных кодов.....	105
<i>Антропоморфное осмысление телесного мира.....</i>	<i>105</i>
<i>Семиотизация пространства и две ее стороны.....</i>	<i>109</i>
<i>Особенности видения и осмысления телесных объектов.....</i>	<i>115</i>
<i>Визуально-пространственные коды как нормы оформления и осмысления пространственных текстов.....</i>	<i>121</i>
О семиотических аспектах техники.....	132
Часы как пространственная модель времени.....	138
О семиотике храмового пространства.....	149
<i>Смысловое многообразие.....</i>	<i>149</i>
<i>Специфика семиотического подхода.....</i>	<i>149</i>
<i>Об отношениях между словами и пространственными формами.....</i>	<i>150</i>
<i>Семиотические средства пространственных кодов.....</i>	<i>153</i>
<i>Совместное участие кодов в образовании символов.....</i>	<i>154</i>
К семиотике игрового пространства: шахматы.....	159
V. Семиотика пространственного мышления	
Пространственное мышление и его семиотические средства.....	163
<i>Пространственное мышление.....</i>	<i>163</i>
<i>Семиотические средства пространственного мышления.....</i>	<i>168</i>
О границах в пространстве и в мышлении.....	176
VI. Семиотика цвета	
«Алфавит» и «палитра»: два принципа смысловоразличения.....	180
О цветовой семиологии.....	187
<i>О предмете цветовой семиологии.....</i>	<i>187</i>
<i>О различиях цветовых кодов и их «психической субстанции».....</i>	<i>188</i>
<i>О семантических функциях цветов в разных кодах.....</i>	<i>190</i>
<i>О синтактике цветových текстов.....</i>	<i>191</i>
<i>О цветových текстах в живописи.....</i>	<i>194</i>
VII. Семиотика и эстетика	
Айстезис и семиозис.....	196
<i>Айстезис в эстетике.....</i>	<i>196</i>
<i>Айстезис в семиотике.....</i>	<i>197</i>
<i>Синестетические связи как предмет семиотики.....</i>	<i>198</i>
<i>Айстезис и семиотические средства построения изображений.....</i>	<i>200</i>
<i>Эстетика и семиотика визуально-пространственных кодов.....</i>	<i>202</i>
Пространственные ритмы и их семантика.....	204
Как возможна семиотика искусства?	
(О перспективах союза эстетики и семиотики).....	208
Эстетика как почва для семиотики пространства.....	212

VIII. Семиотика изобразительных средств	
О семиотике изобразительных средств.....	215
Об индексах пространства в плоскостных изображениях.....	219
О типах смещенного осмысления.....	223
IX. Визуально-пространственные коды в искусстве	
Пространство изображения и визуальные коды.....	225
Визуально-пространственные коды в изобразительном искусстве.....	229
«Естественные» коды в искусстве.....	239
Синестетические коды в пространственных искусствах.....	243
О визуальных синестетических кодах в живописи.....	248
О визуально-пространственных кодах в архитектуре	252
<i>Семиотизация пространства и различия ее способов.....</i>	<i>252</i>
<i>Связи между пространственными кодами</i>	<i>255</i>
<i>Пространственные коды в архитектуре.....</i>	<i>258</i>
<i>Архитектурные сооружения как сложные пространственные тексты.....</i>	<i>261</i>
Конструктивизм и пространственная семиотика.....	263
X. Изобразительные пространства в культуре	
Время в пространстве музея.....	273
Виртуальные пространства изображений.....	276
Художник, зритель и стратегии видения.....	279
Продуктивное и репродуктивное в изобразительном искусстве	283
Путешествия в пространстве картины.....	293
Золото и краски палитры.....	297
Кому улыбается Мона Лиза? (О взаимном проникновении элитарного и массового в искусстве).....	300
Литература	305
Summary.....	319

О СБОРНИКЕ

В книге собраны тексты статей и выступлений, так или иначе затрагивающих семиотический предмет. Большинство из них опубликовано в разрозненных изданиях; часть работ публикуется впервые. Собранные вместе, они позволяют представить авторскую позицию по вопросам общей и пространственной семиотики.

Понятия «семиотика» и «семиология» в текстах используются совместно и трактуются не как синонимы, а как названия несовпадающих сфер. К семиологии отнесены семиотические исследования, производимые только на определенном уровне обобщений, на котором выявляются принципы организации семиотических средств из разных семиосистем. Понятая таким образом семиология отличается, с одной стороны, от семиографии как конкретного описания этих средств, а с другой — от семиософии как философских рассуждений о них («Семиология как проект»).

Большинство работ в сборнике относится к сфере семиологии в указанном смысле и направлено на выяснение не того, что означают те или иные семиотические средства, а того, как они это делают. В сборник включены и работы семиографического характера, в которых описываются отдельные пространственные коды: архитектурно-художественный, предметно-функциональный, социально-символический и ряд других («К семиотике пространственных кодов» и др.); как особая семиотическая система рассматриваются шахматы («К семиотике игрового пространства...»). В некоторых текстах большое место занимают семиософские рассуждения («От герменевтики...», «О семиотических аспектах техники», «Пространственное мышление...» и др.). Строгого разграничения этих уровней не проводится, и они нередко совмещаются в одной и той же работе.

Несколько текстов относится к общей семиотике, в частности, к такому ключевому для нее понятию, как «знак». Однако большая часть работ направлена на прояснение основных понятий такой сравнительно молодой отрасли, как семиотика пространства. В центре внимания находятся мало изученные семиотические системы — ряд визуально-пространственных кодов, которые вместе с вербальным языком включены в семиосферу культуры и имеют отчасти еще природные корни. Проводится мысль о том, что эти коды входят в арсенал выразительных и изобразительных средств искусства, которое рассматривается при этом не как особый язык, а как особый способ использования и разработки самых разных семиотических систем, применяемых не только в художественной сфере.

Статьи разделены (несколько условно) по предметам, в последовательности которых прослеживается движение от общего к частному. В первом разделе собраны работы, которые можно отнести к «метасемиотике», трактуемой здесь как сфера исследования самого предмета семиотики: его строения, истории и перспектив развития. Часть работ из этого раздела посвящена истории семиотики пространства, особенностям ее предмета и ее отношениям с другими дисциплинами.

Во второй раздел входят работы, относящиеся к семиологии знака. Здесь представлены переработанные в виде отдельной статьи фрагменты глав 6 и 7 из книги

«Знаковость» (Чертов 1993), где строится интегративная пространственная модель знаковой связи («Знаковая призма...»). В том же разделе дается чисто дискурсивное описание механизма этой связи, которое публикуется впервые.

Следующие далее разделы посвящены средствам пространственного семиозиса. Его специфика, отношения со временем, особенности визуально-пространственных кодов и создаваемых с их помощью пространственных текстов составляют предмет статей из раздела III. Участие пространственных семиотических средств в осмыслении предметной среды и в организации пространственного мышления рассматриваются в разделах IV и V, соответственно. В раздел VI помещены статьи о семиотике цвета, хотя «принцип палитры», о котором здесь говорится, распространяется не только на цветовые коды.

Статьи из раздела VII о связях семиотики и эстетики носят, преимущественно, «метасемиотический» характер, но присоединены к следующим за ними разделам, в которых предмет традиционных эстетики и искусствознания трактуется с позиций пространственной семиологии. Здесь рассматриваются семиотические средства изображений (раздел VIII) и участие визуально-пространственных кодов в создании и интерпретации произведений искусства (раздел IX). В статьях раздела X семиотические понятия так или иначе привлекаются для описания и объяснения некоторых феноменов художественной культуры, связанных с разными способами демонстрации, видения и интерпретации изображений.

Язык представленных работ меняется в зависимости от их характера. В текстах, нацеленных на точную формулировку семиологических категорий (например, «К теории знака»), слова становятся терминами (обычно выделенными курсивом), необходимыми в излагаемой системе понятий. Чтение таких текстов, возможно, требует некоторых усилий. Легче воспринимаются тексты, перед которыми такая задача не стоит (например, «Кому улыбается Мона Лиза?»).

Написанные как самостоятельные работы, статьи содержат неизбежные повторения ключевых понятий и тезисов, которые воспроизводятся и разрабатываются в разных контекстах. Некоторые, но далеко не все, повторы удалены — там, где это не нарушает логику рассуждений. Кроме этих удалений, отмеченных многоточием в угловых скобках, изменения опубликованных ранее статей ограничиваются в основном сведением упоминаемой литературы в единый список, а также корректорской и стилистической правкой.

Санкт-Петербург, 2014.

І. «МЕТАСЕМИОТИКА»

СЕМИОЛОГИЯ КАК ПРОЕКТ*

СЕМИОТИКА И СЕМИОЛОГИЯ

«Семиотикой» сегодня называют всю область знаний о знаках, включая в нее как конкретные их описания, так и теории, которые на разных уровнях обобщения объясняют природу знаковой связи. Неоднородность поля семиотических исследований позволяет различать в рамках так широко понимаемой семиотики, по крайней мере, три уровня общности: «семиографический», «семиологический» и «семиософский».

При таком различении к области *семиографии* должны быть отнесены все описания конкретных семиотических единиц, построенных из них конструкций, а также правил их образования и интерпретации. Эти описания могут принимать нормативную форму и служить предписаниями для создания и использования знаков или быть дескриптивными исследованиями того, какие нормы и в каких пределах используются в той или иной сфере семиотической практики. Многие семиографические исследования традиционно проводятся в рамках других сфер знания: грамматики того или иного языка, геральдики, эмблематики, нумизматики, фалеристики и др. — и часто не связываются с семиотикой.

На более высоком уровне обобщения предлагаются уже не описания конкретных знаков и знаковых систем, а объяснения того, что такое знаковая связь, как она устроена, при каких условиях нечто способно выполнять функции знака, какова структура «знаковой ситуации» и т. п. На этом уровне находят свое обобщение конкретные семиографические исследования; знаки сопоставляются с сигналами, индексами, символами или моделями, выясняются их сходства и различия как средств коммуникации и репрезентации. Здесь выявляются универсалии, присущие семиотическим средствам разных типов, конструируются схемы описания этих средств и строятся теоретические модели того, как они функционируют. На том же уровне обобщения производится сравнительный анализ организации семиотических систем разного типа, и рассматриваются возможные формы их взаимодействия.

Для этого уровня семиотики уместно название «*семиология*», которая в таком случае понимается как ее теоретическая часть. При этом названия, исторически сложившиеся в разных традициях, перестают быть синонимами, как они обычно трактуются, а совместно используются в разных смыслах: к семиотике относятся как семиографический, так и семиологический уровни исследований, а к семиологии — только

* Публикуется впервые. Статья написана на основе доклада «Семиологические проекты и проблема границ семиосферы», представленного 17 апреля 2003 г. на конференции: «Новый этап становления общей семиотики: вклад техно- и биосемиотики», ВРФШ, Санкт-Петербург.

последний из них. В сходном смысле Ч. Моррис предлагал различать «дескриптивную» и «чистую» семиотику (см.: Моррис 1983: 44).

Всякая семиологическая теория имеет явные или неявные предпосылки, связанные с определенными философскими воззрениями на ее предмет и на методы исследования. Эти философские аспекты предмета и метода семиотики образуют область, которую обобщенно можно назвать сферой *семиософии*. В нее войдут, прежде всего, различные версии философии языка, знака, имени и т. д. «Семиософский» характер приобретают, кроме того, и те аспекты других разделов философии — онтологии, гносеологии, логики, философии культуры и др. — которые привлекаются в качестве оснований семиологии. В отличие от семиографии и семиологии, семиософия не ограничивается сферой научного знания и может содержать элементы той или иной системы ценностных ориентаций.

И семиография, и семиософия далеко не всегда позиционируют себя как области знаний, прямо связанных с семиотикой. Эта связь открывается только для взгляда, направленного из некоторого центра, с точки зрения семиологии, откуда семиография, с одной стороны, и семиософия — с другой, предстают в семиотической перспективе. При таком толковании семиология вычленяется из семиотики как ее «ядро», вокруг которого концентрируются другие исследования, так или иначе с ним соотносимые.

Расслоение семиотических исследований на три уровня не исключает того, что при более подробном анализе между ними обнаруживаются промежуточные ступени. Не исключает оно и того, что все эти уровни обобщения могут совмещаться, если анализ конкретных семиотических средств сопрягается с теоретическими обобщениями.

Семиотические исследования всех уровней объединяет направленность на выявление более или менее общих принципов и норм образования знаков и выражения смыслов. В духе рассматривавшегося В. Виндельбандом и Г. Риккертом различения «номотетического» и «идиографического» методов можно говорить о «номотетической» ориентации семиотических исследований, которые даже в описаниях отдельных знаков и текстов стремятся выявить некие общие правила их образования и интерпретации. В этом отношении генерализирующую установку семиотики можно было бы противопоставить индивидуализирующей установке герменевтики. В многообразии ее версий присутствует общая «идиографическая» направленность на понимание смыслов отдельных текстов, взятых в определенных контекстах, на выявление особенностей их интерпретаторов и конкретных актов истолкования — даже если для такой индивидуализации герменевтике приходится иметь дело с общими нормами построения и осмысления знаков и выходить на философский уровень.

В самостоятельную сферу выделяется *метасемиотика*, предметом которой становится сама наука о знаках: ее развитие, ее внутренние подразделения и ее внешние отношения с другими сферами знания. В частности, ведению этой метанауки подлежит

двусторонний характер связей семиотики с другими конкретно-научными и философскими дисциплинами. С одной стороны, это корни, которые семиотика находит в истории других наук (логики, лингвистики, психологии и др.), воспринимая и по-своему трансформируя складывающиеся в них идеи, а с другой стороны, это возможности, которые она способна предоставить иным наукам в качестве метода описания и осмысления их материала. И в том и в другом случаях семиотика сохраняет свою идентичность в той мере, в которой остается несводимым к другим дисциплинам ее семиологическое «ядро».

Характер связи этого «ядра» с несемиотическими дисциплинами зависит от степени их общности. Для философских наук (онтологии, гносеологии, логики, философии культуры и др.) семиология оказывается конкретизацией и встает в ряд таких нефилософских наук, как социология, культурология, этнология и др. В то же время сами эти науки становятся «-логиями» в силу того, что строят теоретические обобщения и объяснительные модели своих предметов. Подобно им семиология выступает как результат обобщения различных «-графий» — описаний конкретных знаков в таких дисциплинах, как языкознание, фольклористика, этнография, искусствоведение и т. п. (ср. различие этнографии и этнологии в кн.: Леви-Строс 2001: 369 или иконографии и иконологии в кн.: Панофский 1999а: 48—49). Именно для обобщения лингвистических исследований Ф. де Соссюр с 1894 года начал использовать и сам термин «семиология» (см.: Соссюр 1990: 103, 196, 200; см. также: Соссюр 1977: 54—55, 101).

СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

Предложение Соссюра сопоставимо с рядом других возникавших в истории семиологических проектов, каждый из которых дает свою трактовку общей науки о знаках и знаковых системах. Популярное ныне слово «проект» позволяет рассматривать в этом ряду разные концепции такой науки независимо от того, насколько они были развиты их создателями или последователями. Однако, даже с этой поправкой, о семиологии и ее проектах приходится говорить как о явлении намного более позднем, чем семиография, без которой еще в древнейшие времена было бы невозможно даже обучение грамоте, или чем семиософия, которая присутствует уже в диалогах Платона. Но ни в античности, ни в Средние века еще не выделилась общая теория знаков, отличимая от их конкретного описания, с одной стороны, и от философских рассуждений о них — с другой. Притом что стоики и затем Августин разработали предпосылки такой теории, а схоласты выдвинули востребованную позднее идею обобщенной «спекулятивной грамматики», только в Новое время появляются проекты семиотики как самостоятельной науки, которые постепенно вычлениают ее из других областей знания.

В проекте Дж. Локка [1690] «семиотика» как учение о знаках еще тесно привязана к логике и соотнесена с «физикой» и «практикой» таким же образом, которым в античности «логика» сопоставлялась с «физикой» и «этикой» (см.: Локк 1985: 200;

ср.: Секст Эмпирик 1975: 61 и след.). С логикой связаны и более поздние проекты науки о знаках у И. Ламберта [1764] и Б. Больцано [1837] (см.: Больцано 2003: 446 и след.; Lambert 1965). Эту же связь сохраняют «Логика знаков (Семиотика)» Э. Гуссерля [1890] и развитая им в «Логических исследованиях» идея «чистой грамматики», отделенной от лингвистических, психологических и прочих эмпирических исследований и выявляющей всеобщие априорные формы значений (Husserl 1970, 1968).

Логические корни имеет и проект Ч. Пирса, которому, как и Локку, представлялось, что логика «в своем общем понятии есть не что иное, как другое название *семиотики*» (Пирс 2000: 46). Однако у Пирса предмет семиотики расширяется по образцу средневекового тривия. Помимо собственно логики как формальной науки «об условиях истинности репрезентации» семиотика Пирса включает также и «чистую грамматику» («*Grammatica speculativa*») как учение о знаках и способах репрезентации ими значений, и «чистую риторику», устанавливающую законы, по которым «один знак порождает другой и одна мысль влечет за собой следующую» (Там же: 48—49). Подобное объединение грамматики, логики и риторики в единую науку о знаках производил еще в 1831 г. Б. Смарт, указывая на Локка как предшественника, но называя эту науку «сематологией» (Smart 1978: 38).

Название «сематология» служило для обозначения общей науки о знаках и их значениях также у Р. Гетченбергера [1920] и К. Бюлера [1933, 1934] (Gätschenberger 1920: 226; Bühler 1969: 37—39; Бюлер 1993: 6—7). Некоторые проекты такой науки принимали название «семасиологии». Г. Гомперц использовал его применительно к «науке о содержании мышления» в рамках «ноологии» — общей науки о разуме (Gomperz 1908: 43). Г. Шпет во «Введении в этническую психологию» [1927] придал этому названию еще более широкое толкование, выдвигая идею «чистой и всеобщей семасиологии» как основания для изучения значений, представленных в культуре посредством разнообразных носителей, включая рисунки, постройки, действия и т. п. (Шпет 1996: 365). Во всех этих проектах общая наука о знаках и их связях со значениями уже выходит за рамки логических исследований и рассматривается в соотношении с гносеологией, психологией, языкознанием и др.

Как часть «социальной психологии, а следовательно, и общей психологии» трактуется и «семиология» в уже упомянутом проекте обобщающей науки о знаках, связанном с именем Ф. де Соссюра (Соссюр 1977: 54). Однако сам этот проект сложился в поисках обоснования для нового видения лингвистики как науки о таких свойствах языка, которые не раскрываются в рамках психологического, социологического или исторического подходов к его изучению. При этом лингвистика как наука о «наиболее характерной» из систем выражения принималась за образец, на который должна ориентироваться еще формирующаяся семиология (см.: Там же: 101).

Такой лингвоцентрический строй мысли еще более отчетливо проявляется в глоссематике Л. Ельмслева, где тоже можно найти свой семиологический проект — идею «создать лингвистику в широком смысле, “семиологию” на имманентной основе»

(см.: Ельмслев 1999: 230). Семиология в этом проекте должна охватывать все системы, которые имеют сходную с языком структуру. Она должна «установить общую точку зрения для большого числа дисциплин, от изучения литературы, музыки, истории вплоть до логики и математики с тем, чтобы с этой общей точки зрения данные науки концентрировались бы вокруг ряда лингвистически определенных проблем» (Там же).

В глоссематике Л. Ельмслева проводилось различие «семиотики» и «семиологии», но в ином смысле, чем предложенный выше. В этой теории «семиотикой» называется сама знаковая система, а «семиологией» — наука, которая изучает язык и подобные ему системы знаков. Наука о знаках может быть названа в той же системе терминов и «метасемиотикой», поскольку такая наука сама представляет собой знаковую систему, имеющую в своем плане содержания другую знаковую систему, то есть «семиотику» в глоссематическом смысле (Там же: 236). Очевидно, что используемые в данной работе понятия семиологии и метасемиотики имеют генетическую связь с соответствующими понятиями глоссематики, но не тождественны им.

В последующих исследованиях структуралистов, нацеленных на поиск в различных сферах культуры семиотических систем, сходных по тем или иным признакам с вербальным языком, лингвоцентризм семиотики способствовал ее трактовке как проекции методов структурной лингвистики за рамки языкознания. Предмет семиотики при этом мыслился как «любой объект, поддающийся средствам лингвистического описания» (И. И. Ревзин, цит. по: Лотман 1984: 5). Вполне логично при таком подходе было и «перевернуть формулу Соссюра», как предложил Ролан Барт, утверждая, что не лингвистика должна рассматриваться как раздел семиологии, а наоборот, семиология — как раздел лингвистики, пусть и несколько расширенной (Барт 2000: 248—249).

В этом переворачивании Ж. Деррида увидел последовательное подчинение семиологии «логоцентрической метафизике», в плену которой, по его мнению, оставался и проект Соссюра, и для которой не существует «иного смысла, кроме “именованного”» (Деррида 2000: 174). Чтобы «противостоять логоцентрическому подавлению и лингвистическому захвату», Деррида предложил свой проект преобразования семиологии в «грамматологию», которая стала бы «наукой о немотивированности следа, наукой о письме до речи и в речи»; к такой науке Деррида счел возможным отнести слова из «Курса» Соссюра, сказанные о семиологии: «Лингвистика — только часть этой общей науки: законы, которые откроет [грамматология], будут применимы и в лингвистике» (Там же: 173; ср.: Соссюр 1977: 54).

Стремление освободиться от опоры на лингвистику как на образец для любых областей семиологии проявили и некоторые другие авторы. Так, У. Эко, распространяя предмет семиологии на все средства коммуникации в культуре, основанные на конвенциональных кодах, отмечает в то же время, что «далеко не все коммуникативные феномены можно объяснить с помощью лингвистических категорий» (Эко 1998: 121).

Сходным образом ограниченность лингвистических средств описания была осознана Ю. М. Лотманом. На смену концепции «вторичных» моделирующих систем, опирающихся на вербальный язык как на «первичную» систему и построенных более или менее сходным с ним образом, он выдвинул идею принципиально гетерогенной «семиосферы», понятой как «некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями» (Лотман 1984: 5—6; см. также: Лотман 2000).

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ СЕМИОСФЕРЫ

Различные семиологические проекты по-разному определяют предметную область общей теории знаков и границы того, что могло бы образовать в ее рамках «семиосферу». (Слово «семиосфера» применительно к сфере функционирования знаков присутствует еще в работе: Wallis 1962: 400.) Понятие семиосферы, сконструированное Ю. М. Лотманом по аналогии с понятиями «биосфера» и «ноосфера» у В. И. Вернадского, было распространено им на всю сферу культуры. При таком толковании «сфера знаков», используемых в культуре, охватывает область значительно более широкую, чем «сфера разума», действующего по правилам логики. Соответственно, лишь небольшая часть семиосферы будет охвачена логически ориентированной семиотикой, предмет которой ограничен структурами «чистого синтаксиса» и «чистой семантики» — как, например, в проекте Р. Карнапа (см.: Carnap 1946: 13—14).

Если признается, что человек не только *animal rationale*, то для него функции логического мышления будут лишь одной из форм, с которыми он имеет дело как *animal symbolicum*. Тогда преобразование «критики разума» в «критику культуры» может способствовать выявлению особой «грамматики» каждой из развитых в этой культуре «символических форм» — на что был направлен проект Э. Кассирера (см.: Кассирер 1998: 472; 2002: 17, 23). В семиосферу культуры попадает вся культурно детерминированная сфера психики человека (сознательной и бессознательной), исследуемая психологами и психоаналитиками разных направлений (ср.: Выготский 1983; Юнг 1996). Здесь же оказывается и вся «социосфера», соотношенная с психикой как внешнее с внутренним. Именно с этой сферой связан и сосюрреанский проект семиологии, представляющий ее как «науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества» (Соссюр 1977: 54).

Однако в некоторых концепциях теории знаков выводится за пределы «антропосемиотики» и распространяется на сферы «зоосемиотики», «фитосемиотики» и вообще «биосемиотики» (см., в частности: Sebeok 1981). Это дает основания включать в предметную область понятия «семиосферы», наряду с феноменами культуры, явления живой природы и находить не только формальную аналогию, но и содержательную его связь с понятием «биосфера», поскольку сама жизнь осмысливается как сфера, в которую принципиально встроены семиозис, понятый в достаточно широком смысле (см.: Hoffmeyer 1996). Следует отметить, что хотя лотмановское понятие семиосферы

было направлено на исследование феноменов культуры, их соотнесение с явлениями природы, к которому постоянно прибегал ученый, позволяет полагать, что оно не исключает возможности расширения, произведенного Е. Хоффмеером.

Такое широкое понимание сферы семиозиса согласуется с теорией знаков Пирса и Морриса, преодолевающей «порог», за который не переступают семиологические проекты Соссюра или Эко (ср.: Eco 1976; Nöth 2000). В трактовке В. Нёта, «семиосфера Пирса» включает всю биосферу (Nöth 2001: 74). Проект же Ч. Морриса, нацеленный на универсальный охват всего гуманитарного и естественнонаучного знания, прямо декларирует применимость теории знаков к биологии, а основные семиотические понятия в нем иллюстрируются примерами поведения животных (см.: Моррис 1983: 39—40; Morris 1971: 83—84, 94).

В расширенное понятие семиосферы могут быть включены и некоторые неживые объекты «техносферы», прежде всего, той ее части, в которую входят машины, способные перерабатывать информацию и коммуницировать с человеком или друг с другом. Теоретическое обоснование принципиальной общности этих информационных процессов с процессами сигнальной связи в социальных, логических, психологических и биологических системах дала «Кибернетика» Н. Винера [1948], которую так же можно рассматривать как проект расширенной семиологии (см.: Винер 1968).

Однако такое широкое толкование сферы приложения семиотических понятий порождает проблему, связанную с выяснением границ между информационными процессами, происходящими в культуре и в природе, между «антропосемиотикой» и «биосемиотикой», а также между их частными подразделениями.

В понятие семиосферы при достаточно широком толковании могут быть включены, с одной стороны, знаковые и символические средства, имеющие культурное происхождение, а с другой — сигнальные и индексальные средства связи, участвующие в процессах живой природы или в технических конструкциях. Соответственно, и понятие семиосферы тогда охватит все семиотические средства, которые включаются и в ноосферу, и в социосферу, и в техносферу, и в биосферу. В этом случае более актуальным становится вопрос не о внешних границах семиосферы, а о внутреннем ее разграничении и о различиях между семиотическими средствами разных типов и уровней.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ

Все это дает основания для возвращения к обсуждению семиологии как проекта: уточнению ее границ и внутренних подразделений. Разработка этого проекта не прекращается с возникновением науки о знаках. Так же как разрастание города требует постоянного возвращения к работе над его «генеральным планом», так и развитие научной дисциплины нуждается в постоянном переосмыслении ее «проекта».

Исторически возникавшие проекты науки о знаках различались не только в понимании ее пределов, но и в том, *что* они ставили в центр внимания: теорию знаков

(Пирс, Моррис), теорию знаковой системы (Соссюр, Ельмслев), теорию текста (Барт, Кристева), сравнительный анализ знаковых систем различных типов (Бенвенист, Лотман, Эко) и т. п. Хотя эти концепции могли оцениваться как альтернативные, переход от одной из них к другой обоснован внутренней логикой изучения самого предмета. Именно акцент на разных аспектах этого предмета позволяет не противопоставлять семиологические проекты друг другу, а рассматривать как основания для разделов единой науки, связанных общим «архитектурным замыслом». Прояснение этого «замысла» и уточнение внутреннего «устройства» семиологии неизбежно принимает форму ее нового проекта, в котором прежние «чертежи» отнюдь не отрицаются, а наоборот, учитываются как части единого плана.

При всех различиях семиологических проектов их объединяет установка на выявление воспроизводимых *условий*, при которых нечто функционирует как знак. Как уже говорилось выше, семиотическое видение ориентировано на обнаружение унифицированных норм построения значимых единиц и их соотнесения с определенным способом осмысления; оно ищет систематические связи между знаками и их значениями, между планами «выражения» и «содержания». Однако разные версии теории знаков различаются тем, какие связи они готовы учитывать и рассматривать в качестве семиотических норм: включать, например, только конвенции, принятые в культуре, или присоединять к ним какие-то природные закономерности.

Сопоставляя предметные области, очерчиваемые разными семиологическими проектами, можно различить некий «центр», где они пересекаются, и «периферию», границы которой размыты, поскольку каждая из концепций очерчивает их по-своему. В «центре» оказываются, как правило, исследования знаковых средств, намеренно создаваемых в культуре для коммуникации между членами коллектива и для репрезентации объектов их деятельности. Несколько в стороне традиционно остаются так называемые «естественные знаки» — явления, не созданные специально для выражения смысла, но допускающие осмысление и интерпретацию в силу тех или иных естественно складывающихся закономерностей. Это различие нельзя не учитывать, пытаясь заново осмыслить строение семиологии как научной дисциплины со своим особым предметом и прояснить «каркас» ее основных понятий. Если семиология ограничится сферой одних лишь намеренно создаваемых знаков, за ее рамками окажутся другие типы информационного опосредования; если же она включит в свой предмет то, что в ее истории называлось «естественными знаками», может стереться принципиальная разница между последними и сознательно создаваемыми средствами коммуникации.

Учитывая как сходство, так и различие информационных посредников разных типов, семиологию можно разделить на «общую», в пределах которой сопоставляются разнотипные средства информационной связи, и, по крайней мере, одну «частную», которая специализируется на исследовании знаковых средств, намеренно создаваемых в человеческой деятельности.